

Александр Гарцев

Простить Нельзя забыть

18+

Александр Гарцев

Простить нельзя забыть

«Автор»

2026

Гарцев А.

Простить нельзя забыть / А. Гарцев — «Автор», 2026

Новый роман известного сетевого писателя Александра Гарцева "Простить Нельзя Забыть" - то история о сложном нравственном выборе, об ответственности, о любви и предательстве. О том, что честь — это не всегда добродетель, а прощение — не всегда слабость. О том, что можно выжить и не быть счастливым. И о том, что запятая в «Простить нельзя забыть» — это не авторский каприз, а главный вопрос романа, на который каждый читатель ответит сам. Потому что жизнь — это не точка. Жизнь — это запятая. Которая не поставлена. И, может быть, никогда не будет. Для читателей, которые любят психологическую прозу, семейные саги и истории о сильных женщинах, умеющих выживать — даже когда цена слишком высока.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девичник	5
Глава 2. Утро	9
Глава 3. Три дня	13
Глава 4. Отмена	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Гарцев

Простить нельзя забыть

Глава 1. Девичник

Окно было открыто, и в комнату тянуло холодом — сентябрьским, уже по-настоящему осенним, с запахом мокрых тополей и дальней котельной, которая начинала топить по ночам. За окном темнело рано, и в сумерках двор казался глубже, чем был на самом деле: пятиэтажки, гаражи, провисшие провода, фонарь, который мигал, но не гас. Рабочая окраина Зареченска. Здесь не гуляли, здесь жили.

В комнате пахло по-другому. Водкой, лимоном, дешёвым кремом для торта и духами «Красная Москва», которые Марина купила в переходе и уверяла, что это «то же самое, что Шанель, только дешевле». На столе — три бутылки: две пустые, одна початая. Торт «Птичье молоко» в коробке, разрезанный неровно, по-хозяйски. Оливки в стеклянной банке. Шоколадные конфеты, каждая в своей фольге, разбросанные, как фантики от жизни. Телефон в банке из-под огурцов играл что-то из девяностых — Марина отвечала за музыку и утверждала, что «современное всё равно никто не знает».

Лида сидела на полу, спиной к дивану, подобрав ноги под себя. Каре её растрепалось, свитер — тот самый, третий зимний, с затяжкой на левом рукаве — сполз с одного плеча. Она держала в руке рюмку, уже четвёртую, хотя обещала себе остановиться на второй. Водка была тёплая, противная, но пилась легко, как вода, и это было хуже всего.

— Я так устала быть хорошей, — сказала она и сама не поняла, как это вырвалось.

Марина, сидевшая напротив на диване, свесила ноги и посмотрела на неё сверху, как смотрит человек, который давно ждал этих слов.

— Вот именно, — сказала она. — Наконец-то. Я тебе сто лет это говорю.

На кухне, за стеной, ещё три девчонки — Ленка, Светка и Наташка, все из группы, все из тех, кто остался в городе после распределения, — резали сыр и спорили о том, кто из преподавателей «кто». Светка работала в школе, Ленка — в банке, Наташка — нигде, но говорила, что «ищет себя». Они были шумные, добрые, никакие. Лида знала их шесть лет, но не знала о них ничего. Это было нормально. В институте так бывает.

— Хорошая девочка Лида, — сказала Марина и закурила, стряхивая пепел в блюдце с оливковым маслом. — Хорошая девочка Лида училась на одни пятёрки. Хорошая девочка Лида не пила, не курила, не гуляла. Хорошая девочка Лида выходит замуж за Володеньку Строева, у которого папа директор, мама учительница, и вся родня — дворяне, прости господи. Хорошая девочка Лида будет жить в белом доме с колоннами и пить чай с серебряными ложечками. И будет счастлива. Так ведь?

— Заткнись, — сказала Лида, но улыбнулась.

— Не заткнись. — Марина затянулась и выпустила дым в потолок. — Ты знаешь, сколько я за эти годы выслушала от тебя «Володя то, Володя сё»? Ты знаешь, сколько раз я хотела сказать тебе: Лидка, ты же не любишь его?

Лида посмотрела в рюмку. На дне оставалось на палец.

— Я его люблю, — сказала она тихо.

— Ты его уважаешь. Это разное.

— Я его люблю, — повторила Лида, уже твёрже. — Просто... по-своему. По-другому. Не так, как в книжках.

Марина рассмеялась — коротко, невесело.

— В книжках, Лидка, любовь — это когда у тебя внутри пожар. А у тебя внутри — смета. Ты в него не влюблена. Ты в него вложила. Шесть лет. Каждый день. Это не любовь. Это стройка.

Лида не ответила. Она подумала: а ведь Марина права. И от этой мысли стало не легче, а пусто. Как будто она только что посмотрела на свою жизнь со стороны и увидела не любовь, а план. Пункт первый: поступить. Пункт второй: прижиться. Пункт третий: выйти замуж. Пункт четвёртый: свой стол. Свой, чёрт возьми, стол, за которым можно сидеть, не оглядываясь на то, что ты здесь чужая.

Она выпила остаток. Водка обожгла горло, и на глазах выступили слёзы — не от боли, а от чего-то другого, что она сама не могла назвать.

— Я так устала, — сказала она ещё раз. И это было честно. — Я устала быть благодарной. Устала улыбаться его маме. Устала слушать, как его папа говорит о «честь рода», будто я — это какой-то там пятно на родословной. Я устала делать вид, что мне всё это нужно. Что мне нужны эти дворянские замашки. Что мне нужен этот их мир. Я просто хотела свой стол. Понимаешь? Свой. Чтобы не снимать комнату с тобой. Чтобы не думать, хватит ли на хлеб. Чтобы не чувствовать себя приживалкой в собственной жизни.

Марина молчала. Смотрела на неё внимательно, без насмешки, может быть, впервые за вечер — серьёзно.

— Вот теперь ты говоришь правду, — сказала она.

— Правду, — согласилась Лида. — Только кому она нужна?

Из кухни вышли девчонки с тарелкой сыра и открытой бутылкой. Наташка поставила музыку громче, Ленка предложила выпить «за невесту», Светка закричала «горько» и засмеялась, хотя никакого жениха рядом не было. Лида засмеялась тоже — потому что надо было, потому что так полагалось, потому что если не смеяться сейчас, то можно было разрыдаться. Она смеялась, пила, ела торт руками, вытирала пальцы о джинсы и думала: «Господи, как хорошо. Как хорошо, что я здесь. Как хорошо, что я не там, не в их белом доме с колоннами, не рядом с Володиной мамой, которая смотрит на меня, как на ошибку».

Она захмелела быстро — быстрее, чем ожидала. Комната поплыла. Стало легко. Тело стало лёгким, голова — пустой, и в этой пустоте впервые за долгое время было не страшно, а свободно. Она поймала себя на мысли, что не думает о Володе. Совсем. И от этого стало и стыдно, и хорошо одновременно.

Она вышла на балкон — глотнуть воздуха. Балкон был завален хламом: старый велосипед, банки, тряпки. Лида облокотилась на перила и посмотрела вниз. Двор был пуст. Фонарь мигал. Где-то далеко, на трассе, шумели машины.

В кармане завибрировал телефон. Она вытащила его, прищурилась, посмотрела на экран. Володя.

«Как ты там?» — написал он. — «Скучаю. Не пей много. Завтра важный день — репетиция с тамадой».

Лида смотрела на эти три сообщения долго. Потом ответила: «Всё хорошо. Я тебя тоже. Спокойной ночи». И убрала телефон в карман. И даже не почувствовала вины. Только усталость — ту самую, о которой говорила. Усталость от того, что даже сейчас, пьяная, на балконе, она должна была быть хорошей.

Когда она вернулась в комнату, Марина стояла у окна с телефоном в руке и смотрела вниз, во двор.

— Смотри, — сказала она. — Кто-то приехал.

Лида подошла. Внизу, у подъезда, стоял белый «Мерседес». Длинный, блестящий, неуместный в этом дворе, как бриллиант в сухарнице. Из него вышел мужчина — плотный, в тёмном пальто, с телефоном у уха. Сомов. Виктор Петрович. Их начальник. Тот, у кого они с

Володей работали. Тот, кто подписывал им отпуск. Тот, кто смотрел на Лиду чуть дольше, чем следовало, — она замечала, но старалась не замечать.

— Это же... — начала Ленка.

— Он самый, — сказала Марина. И улыbnулась.

Лида смотрела вниз. Сомов закончил разговор, убрал телефон, посмотрел на окна. На их окно. Прямо на их окно. И хотя Лида знала, что в темноте он не может её видеть, ей показалось, что он смотрит именно на неё.

— Он, наверное, к кому-то, — сказала Лида.

— К кому он тут может? — Марина затушила сигарету. — Тут все свои. Тут только мы.

— Она посмотрела на Лиду. — Может, зайдёт?

— Зачем?

— Ну, как зачем. Начальник. Поздравить. Ты же замуж выходишь.

— Марин, не надо.

— А что такого? — Марина уже шла к двери. — Ты что, боишься? Ты невеста или где?

Невеста должна быть смелой.

— Марина.

Но Марина уже открывала дверь. Уже нажимала кнопку домофона. Уже говорила в трубку: «Виктор Петрович? Здравствуйте. Да, мы тут. Заходите, чай есть. Ну, и не только чай».

Лида стояла посреди комнаты. Пьяная. Растрёпанная. В свитере с затяжкой. И чувствовала, как внутри что-то поднимается — не страх, не стыд. Что-то другое. Что-то, чему она не знала названия. Может быть, азарт. Может быть, злость. Может быть, та самая свобода, о которой она говорила на балконе, — свобода быть не хорошей, а живой.

Через минуту в дверях появился Сомов. Большой, тёплый, пахнущий дорогим одеколоном и деньгами. Он оглядел комнату — бутылки, торт, девчонок, — и улыbnулся. Широко. Хозяин.

— Ого, — сказал он. — Вот это я понимаю. Девичник.

— Виктор Петрович, — сказала Марина сладко. — Проходите. Выпейте с нами. За невесту.

Сомов посмотрел на Лиду. Долго. Она почувствовала этот взгляд — как руку на плече. И не отстранилась.

— За невесту, — сказал он. — Можно.

Он сел на диван. Марина налила ему водки — в ту самую рюмку, из которой пила Лида. Он выпил. Не поморщился. Посмотрел на Лиду ещё раз.

— А ты, Лида, — сказал он, — оказывается, умеешь отдыхать. А я думал, ты у нас девочка-отличница. Скучная.

— Я не скучная, — сказала Лида. Голос её прозвучал незнакомо. Низко. Твёрдо. — Я просто не показывала.

Марина засмеялась. Подруги засмеялись. Сомов посмотрел на неё — и в его взгляде было что-то новое. Не начальник смотрел. Мужчина.

— Ну, — сказал он. — Тогда, может, покажешь?

Марина подтолкнула Лиду локтем. Тихо, но настойчиво.

— Покажи ему город, — сказала она. — А то он тут заблудится. У нас тут знаешь какие дворы. Заведёт не туда.

— Я не заблужусь, — сказал Сомов.

— А вы попробуйте, — сказала Марина. — Лидка, ну? Прогуляешься?

Лида посмотрела на неё. Марина смотрела на неё в ответ — прямо, без стыда, с той самой улыбкой, которую Лида знала шесть лет и никогда не понимала до конца. Может, это была зависть. Может, месть. Может, просто желание посмотреть, как хорошая девочка Лида сделает что-то плохое.

— Ладно, — сказала Лида. И встала.

Она не помнила, как взяла куртку. Не помнила, как вышла на лестничную клетку. Не помнила, как оказалась внизу, у машины. Помнила только белый «Мерседес» — такой чистый, такой гладкий, такой не её. И Сомова, который открыл ей дверь. И Марину в окне — с телефоном в руке. Снимает.

Лида села в машину. Кожаное сиденье было холодным. Пахло дорого. Сомов завёл двигатель, и машина тихо, мягко тронулась с места.

— Куда? — спросил он.

Лида посмотрела в окно. Двор уплывал. Фонарь мигал. Марина в окне улыбалась.

— Не знаю, — сказала Лида. — Куда-нибудь. Где нет никого.

Сомов усмехнулся.

— Это можно, — сказал он.

И машина выехала со двора. Лида не обернулась. Она смотрела вперёд — на дорогу, на огни, на ночь, которая только начиналась. И впервые за шесть лет она не думала о том, что будет завтра. Не думала о Володе. Не думала о свадьбе. Не думала о том, что она делает.

Она просто ехала. И ей было легко.

Наверху, в комнате, Марина убрала телефон в карман и посмотрела на подруг.

— Ну что, — сказала она. — За невесту?

— За невесту, — сказала Ленка и налила всем.

Марина выпила и посмотрела в окно. Белый «Мерседес» уже скрылся за поворотом. Она улыбнулась — невесело, криво, как улыбаются люди, которые только что сделали что-то, чего сами от себя не ожидали.

— Дура ты, Лидка, — сказала она тихо. — Хорошая. Но дура.

И закрыла окно.

Глава 2. Утро

Кофе в квартире Строевых варили только по субботам. В будни — чай, быстро, на ходу. Но суббота была днём особого порядка: Андрей Николаевич вставал позже, Ирина Викторовна доставала турку, которую привезла из Ленинграда ещё в восьмидесятых, и на кухне начинало пахнуть так, как пахло в детстве Володи — крепко, горько, с молоком и корицей, которую мать добавляла «для настроения». Это был ритуал. Это была их семья в миниатюре: турка, корица, прямые спины, правильные слова.

Володя проснулся в восемь. Не от будильника — от мысли. Мысль была смутная, тягучая, как предчувствие простуды. Он лежал и смотрел в потолок, на трещину, которую знал с детства, и пытался понять, что именно его разбудило. Потом вспомнил: вчера он написал Лиде, она ответила коротко, и это было нормально, но что-то в этом «спокойной ночи» было не так. Не то чтобы холодное. Скорее — отсутствующее. Как будто она писала не ему, а кому-то другому. Или никому.

Он встал, умылся, надел домашнее — серую футболку, старые джинсы, — и пошёл на кухню.

— Доброе утро, — сказала мать. Она стояла у плиты, в халате, с брошью на лацкане — она всегда надевала брошь, даже дома, даже в субботу. — Как спал?

— Нормально.

— Кофе будешь?

— Буду.

Он сел за стол. На столе — вчерашняя газета, которую отец читал только по выходным, чашка с синей каёмкой, вазочка с печеньем. Всё как всегда. Всё на своих местах. Мир Строевых был устроен так, чтобы ничего не двигалось без необходимости.

Мать налила кофе. Володя взял чашку, обжёгся, поставил.

— Володенька, — сказала мать, не оборачиваясь. — Ты вчера поздно вернулся?

— В десять.

— Я волновалась.

— Мам. Мне двадцать четыре.

— Я знаю. — Она повернулась, улыбнулась, но в глазах была тревога, которую она не умела прятать. — Просто завтра репетиция, послезавтра свадьба. Я хочу, чтобы всё прошло хорошо.

— Всё пройдёт хорошо, — сказал Володя.

Он сам не поверил своим словам. И мать, кажется, тоже.

В кармане завибрировал телефон. Володя вытащил его, посмотрел на экран. Незнакомый номер. Сообщение: «Володя, это Марина. Приезжай в кафе на Ленина, в десять. Поговорим. Это важно. Не говори Лиде».

Он смотрел на эти строки дольше, чем следовало. Марина. Подруга Лиды. Та, что всегда смотрела на него чуть дольше, чем нужно, и улыбалась чуть шире, чем принято. Он не любил её. Не то чтобы не любил — не понимал. Она была из тех людей, которые всегда что-то знают, но не всегда говорят.

— Что там? — спросила мать.

— Ничего, — сказал Володя. — Работа.

Он соврал. Впервые за долгое время. И сам удивился, как легко это получилось.

Кафе на Ленина называлось «Встреча». Оно было старым, ещё советским, с тяжёлыми шторами и официантками в белых фартуках. Здесь назначали свидания, здесь отмечали юбилеи, здесь пахло не кофе, а прошлым. Володя пришёл в десять. Марина уже сидела за столиком у окна. Перед ней — чашка, нетронутая. Она не пила. Смотрела в окно.

— Привет, — сказал он.

Она обернулась. Он заметил, что она не накрашена. Для Марины это было странно. Марина всегда красилась — ярко, вызывающе, как будто воевала с кем-то. Сегодня она была другая. Уставшая. Серьёзная.

— Садись, — сказала она.

Он сел. Официантка подошла, он заказал кофе. Марина молчала. Смотрела на него. И в этом молчании было что-то такое, от чего у Володи похолодели руки.

— Марина, — сказал он. — Что случилось?

Она достала телефон. Положила на стол. Не разблокировала. Просто положила.

— Володя, — сказала она тихо. — Я не знаю, как это сказать.

— Скажи как есть.

— Лида... — Она замолчала. Потом вздохнула. — Вчера был девичник.

— Я знаю. Она писала.

— Она не всё написала.

Володя смотрел на неё. Она смотрела на него. За окном проехала машина, зашуршала шинами по мокрому асфальту. Официантка принесла кофе. Володя не притронулся.

— Что значит «не всё»? — спросил он.

Марина взяла телефон, разблокировала, полистала. Потом повернула экран к нему.

Видео. Снято вертикально, с балкона, сверху. Двор, фонарь, белый «Мерседес». Лида — в куртке, растрёпанная, — выходит из подъезда. Останавливается. Сомов открывает ей дверь. Она садится. Машина уезжает.

Володя смотрел. Кадр закончился. Он не понял. Или понял, но не сразу — как понимаешь, что порезался, только когда увидишь кровь.

— Это что? — спросил он.

— Это вчера, — сказала Марина. — В час ночи. Она уехала с ним. С Сомовым.

— Куда уехала?

— Володя.

— Куда уехала, Марина?

Она молчала. Смотрела на него — и в её глазах было что-то, что он не мог прочесть. Жалость? Вина? Или что-то другое, что она прятала годами?

— Она вернулась утром, — сказала Марина наконец. — В семь. Я видела, как она выходила из его машины. Он её привёз. К нашему дому.

Володя смотрел на экран. Лида садилась в машину. Лида уезжала. Лида возвращалась утром. Он прокручивал это в голове, как программу, которая не компилируется. Синтаксис правильный. Но результат — не тот.

— Ты уверена? — спросил он. Голос был чужой.

— Я сняла видео, — сказала Марина. — Ты сам видишь.

— Я вижу, что она села в машину. Это не значит...

— Володя. — Марина подалась вперёд. — Она была пьяная. Он её увёз. Она вернулась утром. Что ещё тебе нужно?

Володя закрыл глаза. На секунду. На две. В голове было тихо. Слишком тихо. Как перед грозой.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил он.

Марина откинулась на спинку стула. Посмотрела в окно. Потом снова на него.

— Потому что ты должен знать, — сказала она. — Потому что ты не заслуживаешь... этого.

— А она знает, что ты мне сказала?

— Нет.

— Почему?

Марина усмехнулась. Криво, невесело.

— Потому что она бы меня убила, — сказала она. — Но это неважно. Важно, что ты теперь знаешь.

Володя встал. Не резко. Медленно. Как человек, который боится, что если он сделает резкое движение, что-то внутри него сломается окончательно.

— Володя, — сказала Марина. — Ты куда?

— Домой.

— Что ты собираешься делать?

Он посмотрел на неё. И впервые за всё утро он почувствовал что-то, кроме пустоты. Злость. Не на Лиду. На Марину. На то, как легко она сказала это. Как будто ждала. Как будто хотела.

— Не знаю, — сказал он. — Но это не твоё дело.

Он вышел из кафе. Улица была мокрая, серая, обычная. Люди шли по своим делам. Кто-то смеялся. Кто-то ругался. Мир не изменился. Мир не знал, что у Володи Строева только что рухнула жизнь.

Он шёл домой. Долго. Пешком. Через парк, мимо университета, мимо дома, где жила Лида. Он остановился у этого дома. Посмотрел на окна. Не знал, какое из них её. Никогда не был внутри. Шесть лет — и ни разу не был. Почему? Он не знал ответа. Может, потому что его родители не одобряли. Может, потому что там не было стола, за которым можно работать. Может, потому что он боялся увидеть, как она живёт. Боялся, что там — не его мир. Боялся, что там — она, настоящая, а не та, которую он знал.

Он достал телефон. Открыл сообщения. Их переписка. Последнее — вчера, «спокойной ночи». Он смотрел на это «спокойной ночи» долго. Потом убрал телефон. Пошёл дальше.

Дома мать мыла посуду. Отец читал в кабинете. Всё как всегда. Володя поднялся в свою комнату, закрыл дверь, сел на кровать. И только тогда — только в этот момент, в тишине своей комнаты, среди знакомых с детства стен, — он позволил себе почувствовать. Не подумать. Не решить. Просто почувствовать.

И это было так больно, что он согнулся пополам и зажал рот рукой, чтобы никто не услышал. Не потому что стыдно. Потому что нельзя. Нельзя кричать. Нельзя плакать. Нельзя. В их роду не было скандалов. В их роду не было слёз. В их роду было достоинство. И он держался за это достоинство, как за перила над пропастью.

Он сидел так минуту. Две. Пять. Потом выпрямился. Посмотрел в стену. И начал думать.

До свадьбы — два дня. Приглашения разосланы. Ресторан заказан. Тамада подтверждён. Родители Лиды приедут завтра. Тётя Валя уже в поезде. Мать сшила платье. Отец заказал вино. Всё готово. Всё идёт. И он — Володя Строев, отличник, спортсмен, программист, надежда семьи, — сидит на кровати и не знает, что делать.

Он мог сделать вид, что ничего не было. Сыграть свадьбу. Улыбаться. Сказать «горько». А потом — потом разобраться. Потом поговорить. Потом решить. Но он знал, что не сможет. Он слишком хорошо знал себя. Он не умел играть. Не умел притворяться. Его учили быть честным — и это была единственная роскошь, которую он мог себе позволить.

Он мог отменить всё. Позвонить тамаде, ресторану, гостям. Сказать: «Простите, свадьбы не будет». И тогда — скандал. Позор. Родители не поймут. Мать заплачет. Отец скажет: «Ты сошёл с ума». Родня Лиды проклянёт. А Лида... что Лида? Она будет молчать. Она всегда молчит, когда больно.

Он мог поговорить с Лидой. Спросить. Услышать. Может быть, это было не то, что он думает. Может быть, Марина соврала. Может быть, всё объяснится. Но он знал, что если спросит — то поверит ответу. А если не поверит — то это конец. И он не был готов к концу. Никто не бывает готов к концу.

Он встал. Подошёл к окну. Посмотрел на улицу. Там шли люди. У них были свои жизни. Свои измены. Свои прощения. Свои запятые. А у него — только два дня и одна ночь. И он не знал, где поставить запятую.

В дверь постучали.

— Володенька, — голос матери. — Ты обедать будешь?

Он не ответил сразу. Посмотрел на своё отражение в стекле. Увидел человека, которого не узнал. Уставшего. Взрослого. Одинокого.

— Буду, — сказал он. — Сейчас.

И вышел из комнаты. Потому что нельзя было не выйти. Потому что обед. Потому что семья. Потому что всё ещё шло по накатанной. И он шёл вместе с ним — пока что. Пока не решил. Пока не поставил запятую.

Но он уже знал, что не сможет забыть. И не сможет простить. И не сможет сделать вид. И это было самое страшное — не то, что она сделала. А то, что он теперь знал. И с этим знанием надо было жить.

За столом мать спросила:

— Володенька, ты какой-то бледный. Всё хорошо?

— Всё хорошо, мам, — сказал он. — Просто не выспался.

Отец отложил газету:

— Перед свадьбой все волнуются. Это нормально. Главное — не принимать поспешных решений.

Володя посмотрел на отца. Долго. И подумал: «Ты не знаешь. Ты ничего не знаешь. И слава богу».

— Я не буду, — сказал он. — Обещаю.

И взял ложку. И начал есть суп. И суп был тёплый, и дом был родной, и всё было как всегда. Только внутри — там, где раньше была уверенность, — теперь была пустота. И в этой пустоте медленно, как осенние листья, падала одна мысль:

Что делать?

Он не знал ответа. Но он знал, что время идёт. И что завтра — репетиция. И что послезавтра — свадьба. И что где-то между этими двумя днями он должен решить. Не потому что кто-то заставляет. А потому что нельзя было не решить. Жизнь не спрашивала. Жизнь просто шла вперёд — и тянула его за собой.

Глава 3. Три дня

В субботу к вечеру погода испортилась окончательно. Утром ещё проглядывало солнце — бледное, осеннее, как лампочка в подъезде, — но к полудню небо затянуло серой пеленой, и город стал похож на фотографию, снятую на старую плёнку: нерезкий, тусклый, с зернистыми тенями. Дождь шёл мелкий, нудный, не осенний ливень, а именно морось — та, что не оставляет луж, но пропитывает всё насквозь: пальто, волосы, мысли. К вечеру похолодало. Ветер гнал по тротуарам мокрые листья, и они липли к асфальту, как забытые кем-то письма.

Володя вышел из дома в два часа. Сказал матери, что идёт «по делам свадьбы». Мать кивнула. Мать верила. Мать не знала, что «дела свадьбы» — это на самом деле дорога в никуда.

Он шёл по городу без цели. Мимо университета, где они учились шесть лет. Мимо корпуса, где Лида на первом курсе потеряла шапку, и он отдал ей свою, и она шла рядом, смешная, в огромной мужской шапке, и он думал, что это и есть счастье. Мимо общежития, где она жила до того, как сняла комнату с Мариной. Мимо рынка, где они покупали яблоки и ели их прямо на улице, не замечая, что вокруг люди. Мимо всего, что было их.

Город не изменился. Город не знал. Город жил своей жизнью: троллейбусы, машины, прохожие с пакетами, бабушки у подъездов, мальчишки на самокатах. Обычная суббота. Обычный день. Только у Володи внутри была война. Тихая. Без выстрелов. Но война.

Он дошёл до ресторана «Берёзка». Тот стоял на площади, напротив администрации, — белый, с колоннами, с вывеской, которую не меняли с восьмидесятых. Здесь должна была состояться свадьба. Здесь уже всё было готово: зал, столы, скатерти, цветы, место для тамады, место для музыкантов, место для них. Он стоял напротив и смотрел. Смотрел долго. Мимо шли люди, кто-то оборачивался — узнавали? нет? — и он стоял, как памятник самому себе.

Он достал телефон. Нашёл номер тамады. Нажал «вызов».

— Аллю, Володя! — голос был бодрый, отрепетированный. — Всё в силе? Завтра репетиция?

— Да, — сказал Володя. — Всё в силе.

— Отлично! А то я волновался. Ты знаешь, сколько у меня невест, которые в последний момент...

— Знаю, — сказал Володя. — Всё в силе.

Он сбросил. Убрал телефон. Посмотрел на ресторан. И тут же достал телефон снова.

— Аллю, это тамада? Я хотел... — он замолчал. Потом: — Нет. Ничего. Всё в силе.

Сбросил. Убрал телефон.

Отошёл на десять шагов. Вернулся. Достал телефон.

— Аллю. Это Володя Строев. Я хотел отменить...

Пауза.

— Нет. Простите. Ошибся. Всё в силе.

Он стоял под дождём. Телефон в руке. Дождь капал на экран, и буквы расплывались. Он смотрел на них и не мог нажать ни «да», ни «нет». Как будто палец застрял между двумя кнопками. Как будто жизнь застряла между двумя решениями. Как будто он сам застрял — между тем, кем был, и тем, кем должен был стать.

Он пошёл дальше. К дому Лиды. Не к ней самой — просто к дому. Он подошёл к пятиэтажке на рабочей окраине, к тому самому подъезду, где вчера стоял белый «Мерседес». Фонарь всё ещё мигал. Двор был пуст. Мокрые качели, мокрые гаражи, мокрое всё. Он стоял и смотрел на окна. Не знал, какое её. Так и не узнал за шесть лет.

Он представил, как она сейчас там. Сидит. Молчит. Может быть, плачет. Может быть, нет. Может быть, ждёт его. Может быть, боится. Может быть, всё ещё пьяная. Может быть, уже

протрезвела и всё поняла. Может быть, ей стыдно. Может быть, ей всё равно. Он не знал. И это незнание было хуже всего. Хуже измены. Хуже предательства. Хуже всего.

Он достал телефон. Написал: «Приду вечером. Поговорим». Отправил. Убрал. И пошёл домой — потому что идти было больше некуда.

Вечером он пришёл. В семь. Дождь к тому времени стих, но воздух был сырой, тяжёлый, как мокрая шерсть. На лестничной клетке пахло кошками и жареной картошкой. Он поднялся на четвёртый этаж. Позвонил.

Открыла не сразу. Секунд десять — он слышал шаги, потом тишину, потом шаги снова. Потом дверь открылась.

Она стояла в проёме. В том же свитере с затяжкой. Волосы собраны в хвост. Лицо бледное, без косметики. Глаза красные — плакала. Или не спала. Или всё вместе. Она смотрела на него, и в этом взгляде было столько всего, что он не смог прочесть. Страх. Вина. Усталость. И ещё что-то — то самое, что он видел в её сообщении вчера. Отсутствие. Как будто она была здесь, но не совсем. Как будто часть её осталась где-то там, в белом «Мерседесе», в той ночи, в той жизни, которую он не знал.

— Привет, — сказала она тихо.

— Привет.

Они стояли так секунду. Две. Потом она отступила:

— Заходи.

Он зашёл. Комната была маленькая: диван, стол, шкаф, два стула. На столе — чашка, нетронутая. Она ждала. Он сел на стул. Она осталась стоять. У окна. Спиной к нему. Так было легче. Так было безопаснее.

— Лида, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она. Не обернулась.

— Что ты знаешь?

— Что ты знаешь.

Он молчал. Она молчала. За окном проехала машина, свет фар скользнул по стене и погас. В комнате стало темнее.

— Я всё объясню, — сказала она.

— Не надо, — сказал он.

Он сам не ожидал, что скажет это. Но сказал — и понял, что это правда. Не надо. Потому что объяснение ничего не изменит. Потому что объяснение — это слова, а слова — это то, чем можно прикрыть что угодно. Он не хотел прикрытия. Он хотел правды. А правда была в том, что она была там. В том, что она села в машину. В том, что она вернулась утром. Всё остальное — детали. А детали его не интересовали. Его интересовало только одно: что теперь?

— Почему? — спросил он. Тихо.

Она обернулась. Посмотрела на него. И в её глазах он увидел то, чего боялся больше всего: она не знала ответа. Или знала, но не хотела говорить. Или говорила, но не то. Или то, но не всё. Она была как запертая дверь — за ней что-то было, но ключа не было ни у неё, ни у него.

— Я не знаю, — сказала она.

И это было честно. И от этой честности ему стало ещё хуже.

— Ты меня любишь? — спросил он.

Она молчала. Долго. Слишком долго.

— Я не знаю, — сказала она.

Володя закрыл глаза. Внутри что-то оборвалось — тихо, без звука, как рвётся нитка. Он ждал другого. Ждал «да». Ждал «конечно». Ждал слов, которые можно было бы принять как оправдание. Но она сказала правду. И правда была хуже лжи.

Он встал.

— Володя, — сказала она. — Подожди.

— Мне надо идти.

— Володя, пожалуйста.

Он посмотрел на неё. В последний раз? Может быть. Он не знал. Он смотрел на женщину, которую знал шесть лет, и не узнавал. Это была она — и не она. Это была Лида — и кто-то другой. Кто-то, кто сел в машину. Кто-то, кто вернулся утром. Кто-то, кто не знает, любит ли она его.

— Я не могу сейчас, — сказал он. — Мне надо подумать.

— О чём?

— Обо всём.

Он вышел. Закрыл дверь. Постоял на лестничной клетке. Услышал, как за дверью — тихо, еле слышно — она заплакала. Он не вернулся. Не мог. Не было сил. Не было слов. Не было ничего, кроме пустоты.

Он шёл домой по тёмной улице. Дождь снова начался — мелкий, осенний, безнадёжный. Фонари отражались в лужах, и казалось, что город утопает в собственном свете. Он шёл и думал: простить? забыть? сделать вид? И не находил ответа. Потому что ни один из этих вариантов не был честным. Простить — значит сделать вид, что ничего не было. Забыть — значит предать себя. Сделать вид — значит жить во лжи. А он не умел ни того, ни другого, ни третьего. Его учили чести. А честь не знала компромиссов.

Дома мать спросила:

— Как дела? Всё готово?

— Да, — сказал он. — Всё готово.

Он соврал. Во второй раз за день. И это становилось привычкой. Он лежал в своей комнате, смотрел в потолок и слушал, как в соседней комнате отец читает газету, а мать гремит посудой. Обычная жизнь. Обычный вечер. Обычная семья. Только он — не обычный. Он — человек, который завтра должен был жениться. И не знал, хочет ли.

За окном шёл дождь. Где-то далеко, на рабочей окраине, в маленькой комнате, плакала женщина, которую он любил шесть лет. И он не мог её утешить. Не потому что не хотел. Потому что не мог. Потому что утешение — это ложь, а он не хотел лжи. Он хотел правды. Но правда была такой, что жить с ней было невозможно. И он лежал в темноте и думал: что делать? И не находил ответа.

Так закончилась суббота. Оставалось два дня.

Глава 4. Отмена

В воскресенье утро выдалось на удивление ясным. Дождь, который лил всю субботу и всю ночь, к рассвету прекратился, и небо — впервые за неделю — очистилось. Оно было бледно-голубым, холодным, как эмаль на старой кастрюле, и солнце — низкое, осеннее, уже не греющее, а только светящее — заливало город ровным, безжалостно честным светом. В таком свете не спрячешься. В таком свете всё видно: трещины на стенах, пыль на подоконниках, морщины на лицах, пустоту в глазах. Деревья стояли наполовину голые, и последние жёлтые листья висели на ветках, как забытые монеты. Воздух был прозрачный, звонкий, с запахом первых заморозков. Зареченск готовился к зиме — и к свадьбе, которая должна была состояться завтра.

Володя не спал всю ночь. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок, и мысли шли по кругу, как поезд по кольцевой: простить, забыть, сделать вид, простить, забыть, сделать вид. К утру он понял, что ни один из этих вариантов не работает. И тогда, когда солнце уже поднялось и за окном зашумели первые машины, он понял другое: надо решать. Не завтра. Не после свадьбы. Сейчас. Сегодня. Потому что завтра — уже поздно.

Он встал. Умылся холодной водой. Надел рубашку — белую, ту, которую приготовил для репетиции. Посмотрел на себя в зеркало. Лицо было серое, осунувшееся, чужое. Глаза ввалились. Он не узнал себя. Или узнал — того, кем становился: человека, который должен был принять решение, которого не хотел.

Он спустился вниз. Мать хлопотала на кухне — пекла пирог, «для гостей», которые должны были приехать завтра. Отец сидел в кабинете. За дверью. За той самой дверью, за которой решались все важные вопросы в доме Строевых. Володя постоял перед ней. Секунду. Две. Потом постучал.

— Да, — сказал отец.

Володя вошёл. Кабинет был не большой, но обстоятельный: письменный стол, кожаное кресло, стеллаж с книгами — классика, история, немного философии. На стенах — ничего лишнего. На столе — лампа с зелёным абажуром, стопка бумаг, очки в футляре. Отец сидел в кресле, читал. Увидев сына, отложил книгу. Посмотрел внимательно. Как смотрел всегда — без суеты, без эмоций, оценивающе.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Да, — сказал Володя. — Случилось.

Он сел напротив. На стул, который стоял здесь специально для таких разговоров — жёсткий, с прямой спинкой, чтобы не расслаблялся. Отец ждал. Он умел ждать. Он умел молчать так, что молчание становилось давлением.

— Я отменяю свадьбу, — сказал Володя.

Отец не изменился в лице. Ни один мускул не дрогнул. Только глаза чуть сузились — как у человека, который услышал не то, что ожидал, но не позволил себе удивиться.

— Почему? — спросил он.

Володя молчал. Он знал, что этот вопрос будет. И знал, что ответить будет трудно. Потому что ответ — это не просто слова. Это признание. Это выход за пределы того мира, в котором он жил. Это предательство — нет, не Лиды. Предательство их мира. Мира, где всё правильно, всё прилично, всё по чести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.